

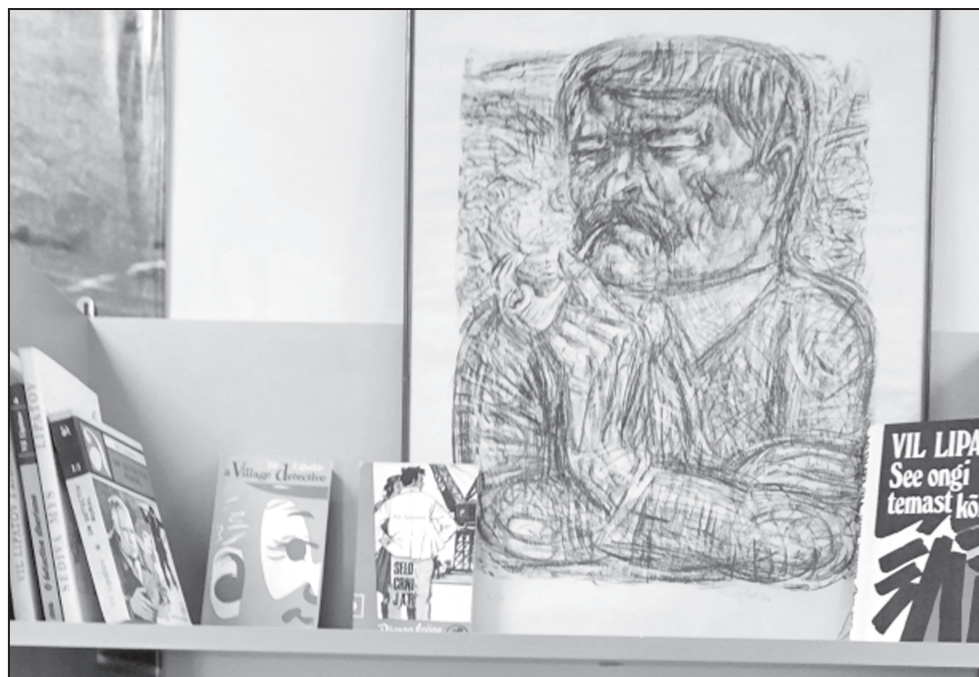
ЛИПАТОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

ПРОШЕЛ НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ В Г. КОЛПАШЕВО

В обширной программе фестиваля знаковым событием стало открытие музея Виля Липатова.

Колпашевцы по крупицам собирали экспонаты для экспозиций. Многие передали музею дочь писателя Татьяна. Это рукописи, это трубка Виля Владимировича которую он, быть может, раскуривал, обдумывая замысел «Деревенского детектива», или «Серой мыши»... Здесь можно увидеть последний роман Липатова – «Лев на лужайке», с дарственной надписью землякам-колпашевцам.

В работе фестиваля приняли участие члены Союза писателей России писатели Вениамин Кольхалов, Александр Луговской, Александр Панов, Олег Кислицкий, Геннадий Скарлыгин, Ольга Комарова, Валентина Чубковец, которые выступили при полных залах во всех библиотеках г. Колпашево, подарили свои книги.

Александр Луговской

А НА ВЕТРУ КРУЖАТСЯ ЛИСТЬЯ

***

Уходящему году спасибо скажи
За обиды, тоску, несвободу,
За надежды растаявшие миражи...
Честь и слава прошедшему году.

Тает воск. Погадаем о завтрашнем дне.
Рассветет – поворчим на погоду.
За окошком березы в своей седине
Величавы и стужей довольны вполне:
Новый год отмечает природа.

Накрахмален и свеж заоконный пейзаж,
Без единого птичьего следа –
Чистый лист... Поскорее возьми карандаш,
Мне о счастье грядущем поведай!

***

Вот Сентябрь из дома вышел
И шагает не спеша...
У кого-то едет крыша,
Черепицу шурша,

Кто-то грызть гранит науки
Снова начал, как шальной,

Кто-то мается со скуки
В свой законный выходной,
Кто-то клюкву собирает,
Кто-то косит белый гриб.
Где-то музыка играет.
Кто-то пел... потом охрип.

А Сентябрь себе шагает,
Ворошит листву аллеи...
Ну, а я часы считаю,
Тороплю ватагу дней.

Предо мной – планеты глобус
Весь сияет на заре...
И с Вампиловым я в отпуск
Отправляюсь в сентябре.

***

Август – месяц благодатный.
Гроздь сочные созвучий,
Размышлений горьких жатва
И сомнений перец жгучий.

В нем – отцовские заветы –
Разнотравья вкус медвяный.
Отзвук песен, что не спеты,
И молочные туманы.

***

Птичку
Съела тоска,
Не кошка. Птичка

Нынче
Глядит в окошко
На природу
И прочее
Редко.
Птичку
Съела тоска...
И клетка.

***

Гадает невпопад прогноз погоды.
И городок на глиняном бугре
Цветистой графоманией природы
Разбудоражен в шалом сентябре.
Страницы дней волна перелистала,
Нисколько не печалась о былом.
С натугой оттолкнулся от причала
И в путь пустился труженик паром.
Шумит вода. Теперь и дом, и пристань,
И лето – бесконечно далеки.
А на ветру кружат, кружатся листья –
Несбывшихся надежд черновики.

***

Сеем хлеб и растим детей,
Прикрываем грехи молитвою.
У России нет легких путей,
Все дороги в ямах и рытвинах.
Задумчивая песня – стон,
Директива властей – загогулина.
У России нет легких времен,
Даже прошлое непредсказуемо.

О МОЕМ ОТЦЕ, И НЕ ТОЛЬКО...

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ ВИЛЯ ЛИПАТОВА

Мой папа писатель Виль Липатов - замес четырёх кровей - относился к предкам ответственно: боялся Бога, как иудей, любил, как христианин, был свободен, как буддист. Итак: бурятская, русская, латышская с иудейской начинкой.

***

Что касается латышской и русской кровей, доставшихся от отца, то Владимира Николаевича Липатова папа знал плохо. В его четыре года мать сбежала от мужа по только ей одной известным причинам. Хотя всё было не так плохо. Этот мой дед-журналист, в то время - министр культуры ДВР (Дальневосточной Республики). Его мать - латышка Марта Озолин, отец - русский, родившийся и живший там же. А папа утверждал, что, когда впервые был в Латвии, понимал отдельные слова. Почему - неизвестно. Но позже ездил уже писателем в Латвию часто. Я ещё вернусь к этой линии, но иногда смогу ошибиться, иногда соврать, как распорядится память... Впрочем, это касается и всего остального.

***

Томск. У меня желтуха. Потом сослала довыздоровлять в Петухово к бабушке. Она была директором школы.

И я впервые влюбилась. Рассказала об этом отцу уже взрослой... Ежедневно мимо нашего домика проводили из женского лагеря одинаково одетых женщин. И среди них была та - высокая, с прозрачной кожей и золотыми косами до колен - принцесса. Заколдованная. Как-то окликнули: «Лгита!» - и она оглянулась... Имя принцессы запомнила навсегда.

Папа в то время начальствовал над промышленным отделом Томской газеты «Красное Знамя» и знал всё на свете про Томскую область. Он мне, взрослой, и сказал: «Она была латышкой...» Вот так. Может, родственница дальняя-дальняя?

Когда из бабушкиной деревни вернулась в Томск, папа - по выходным - меня, кудрявую, как болонка, выгуливал в городском парке. Конечная цель - пивной ларёк, окружённый скамейками. Он хлебал пиво, а я играла пивными крышечками - замечательно!

***

Более-менее внятно могу рассказывать то, что слышала от бабушки Сарры, папиной мамы. Воспитывала меня она, моя мама была хирургом и всегда - на работе! Лет с четырёх ба, готова обед, и вообще рассказывала всякое разное, обычно - о себе, о своей семье, начиная от деда по отцовской линии. Рафаил Иосифович Садович (видимо, выкrest) дослужился до офицерского звания в царской армии, но, дав пощёчину вышестоящему чину, - надеюсь, за дело! - был сослан в Сибирь. Впав в нищету, опомнился, образумился, раскаялся и вернулся к Торе. Походя женился, родили кучу детей, среди которых старший - Иосиф, мой прадед, бабушкин отец.

Иосифа Рафаиловича в Нерчинске избрали третейским судьёй... Кроме русских в городке жили и остяки, и буряты, и монголы... Вот буддисты и прозвали его уважительно - Мунге Холо (могу ошибиться в написании), что означало «Серебряное горло». Тому причина - трахеостома, которую ему вставили после какого-то заболевания в Монголии, где у него были коммерческие дела.

***

Ещё тогда, в Петухово, я совершила первое преступление. Полюбовавшись на Лгиту, отправилась в заветное место, где наша курица Пеструха каждый день выдавала по тёпленькому ещё яйцу, категорически мне запрещенному после желтухи. Проковыряв крохотную дырочку, я выпивала яйцо и прятала скорлупу под крыльцо.

Бабушка нервничала: «Пеструха была самой яйценоской и на тебе - ни-че-го!»

Настал роковой день - воскресенье, папа приехал ко мне накануне вечером. И мой разлюбимый отец отследил меня, бедную... Разбудил бабушку и выгреб из-под крыльца кучу пустых целёхоньких скорлупок... Скандал... Да ничего, обошлось, но вскоре из Петухова меня забрали в Томск.

***

Бабушка вернулась из Палестины. Вышла замуж за Владимира Николаевича Липатова. Из Новосибирска от мужа сбежала с сыном в Нерчинск, вскоре - в богом забытый поселок Тогура. Стала учительницей русского языка и литературы. По ночам учила правила правописания, утром преподавала. Время настало тяжкое: близ Тогура селили толпы ссыльных - прибалтов, поляков, всех подряд. Бабушка Сарра «досамоучилась» до директора начальной школы. Дети ссыльных учились у неё. И бабушка, на мой взгляд, совершила подвиг местного значения: не дала умереть с голода ни детям, ни взрослым. После учёбы дети вместе с директором работали в «пришкольном» хозяйстве. Каждое утро - стакан молока, яйцо и что подрастёт на огороде - каждому. Невесть почему бабушку не трогали, учила и кормила...

Все выжили. Бабушку даже наградили какой-то медалью, где подвешена кругляшка медная с профилем товарища Сталина.

***

Чита. Мы троём - папа, мама и я - на рассвете отправляемся на рыбалку. Рулит в «козлик» (редакционном) шофёр дядя Вася. Папа в рабочей форме, то есть твёрд. Дело серьёзное: пути три часа через тайгу по еле видной дороге вверх-вниз, вверх-вниз. Среди вековых кедров полянки набиты цветами, разноцветными тряпочками-лентами. Красота! И очень непонятно. Это не новогодняя ёлка, это что-то совсем другое, важное: объяснить не могу, надо увидеть. Но запомнила навсегда.

Когда мы перебрались в столицу, я жутко удивлялась, повав в лес: «А где цветы?!». Дело в том, что в тайге пионы - марьяны коренья, лилии - саранки, крокусы - подснежники. И всё это растёт в изобилии. В средней полосе скучные полянки.

В. Липатов с дочерью Татьяной.

Да не об этом. Часа через два с половиной папа меня толкает в бок:

- Смотри! Яблоневый хребет!

Ну, яблонь я там не увидела, просто что-то длинное, высокое и лысое. Но на самом высоком месте, рядом с дорогой, такая берёза... нет, не высокая - коренная, голая (без листьев), но широкая. Священное буддийское дерево. В центре - тряпича с молитвой на неведомом языке и изображением Будды. Каждая веточка - а их множество - украшена.

Потом - озёра. Их несколько. Большие, если смотреть с хребта. И возмутительно круглые все как одно. Остановились у ближайшего. Синее и прозрачное везде, даже на глубине всех рыб видно. Но сначала рыбы почему-то не ловились. Мне в лодке надоело, потребовала отвезти к маме, которая развела из привезённых с собой деревяшек костёр для ухи. Было так солнечно и жарко, как бывает только в Сибири летом.

А вот папа с дядей Васей на воде застряли. «Костёр прогораёт!» - кричала мама. Без толку. Только через час они вернулись. По уши в рыбе. Как не утонули? Короче, съели то, что привезли с собой, и отбыли домой. Бабушка с мамой всю ночь занимались рыбой - чистили, вялили, солили, а я дрыхла без задних ног.

***

Как и положено подростку, папа тайно начал писать стихи... Это опять Тогура... В конце концов «расколослся» - показал тетрадку бабушке. Ей почему-то понравилось...

Почему - почему-то? Бабушка, к слову, была предельно строга... Потом, когда, папа стал вполне серьёзным писателем, мать ничего его не читала - боялась... Даже фильмы не смотрела - не хотела разочаровываться. А факт папиного писательства её очаровывал, заставлял тревожиться. Ну, а тогда отправила тетрадку в томскую газету. Ответ ликовидировал в папе поэта: «Нельзя так бессовестно подражать Есенину! Нашёл кому!» Возможно, редактор был прав, но... Дело в том, что мальчик ни-когда не читал Есенина, его стихов просто не было в Тогуурской библиотеке! И Липатов-поэт прекратил своё существование.

Помню папино:

Пёс голодный от луны откусил краюшку

Над моей избушкой...

По-моему, здорово! Папе было тогда тринадцать лет...

***

Своего отца папа впервые увидел, будучи уже известным писателем. Из Читы вместе с моей мамой отправились в Симбирск. Ещё не выйдя из поезда, узнали Владимира Николаевича, встречавшего сына с невесткой, - умеренное сходство в лице, но, главное, совершенно одинаковые походки... Его вторая жена Антонина оказалась редкостной неряхой, а мама выдраила дом, как учила бабушка. Дед был в восторге и от сына-писателя, и от работящей невестки. Только сокрушался, что не взяли меня с собой... Встреча оказалась первой и предпоследней: папа навестил своего отца уже тяжело больным, незадолго до его смерти, через много лет.

А мне, единственной внучке от его единственного же сына, в Читу начал писать письма-сказки с иллюстрациями на маленьких листочках - персонажами сказок. Сказки были приглашающие: все о его доме... Писал здорово, рисовал тоже. Почему-то папа больше не поехал к отцу, письма, правда, писал. Но бабушка Сарра так смотрела на нас, что к деду я не просилась. Что-то такое необъяснимое поняла и просто ждала писем...

С Владимиром Николаевичем мы так и не встретились, даже позже, взрослой, я не была в Симбирске.

Отдам должное папе - он помогал деньгами отцу всю его оставшуюся жизнь, даже подарил автомобиль. После смерти Владимира Николаевича папа выкупил у вдовы

Антонины дедов архив. Такой же бумажный зануда, как и его сын, дед хранил письма, свои записки - всё на свете: набитый старинный портфель... Он у меня хранится, но не разобранный Давным-давно, после ухода папы, я в него заглянула: письма Баженова, Дзержинского - это первое, что попало... Больше не прикасалась. Почему - не знаю... Кого-то ждёт этот архив.

***

Ещё о давнем. Забавное. Иосиф Рафаилович дарил доченьке Сарре к каждому празднику, иудейскому ли, государственному, её собственному, золотую монету разных времён, стран и народов. Бабушка их складывала в железную коробку из-под конфет, что из Парижа. Коробка была тяжёлой. В Палестину коробка не поехала, осталась дома, в Нерчинске.

Иосифу Рафаиловичу, потерявшему в революции всё, удалось это золото сохранить. Но отдал бабушке лишь тогда, когда вернулась к нему с сыном, моим папой. И она спрятала золотишко - видимо, бесценное из-за старинных монет - на самый «чёрный» день... Но приходили начальники всё круче, всех «бывших» опять начали перетряхивать, и бабушка, опасаясь за сына, решила расстаться с отцовскими подарками «от греха подальше». Едва рассвело, когда она добежала до крутого берега Нерчинки и, размахнувшись, бросила коробку в быструю речку... И - забыла. Вспомнила, когда мне было лет восемь. Рассказала подробненько, где и куда именно бросила.

Кто знает, может, лежит наше богатство по сей день под толстым слоем песка, ила и времени? Поиском клада я так и не занялась: при социализме не было смысла, позже тем более... Возможно кто-то нашёл.

***

Со мной папа был щедр во всём, кроме «денежного до-вольствия». Я до взрослости получала ровно столько, сколько все мои ровесники. Проблема новых сапог обсуждалась на семейном совете - нельзя ли починить старые. Папа панически боялся вырастить барынку-бездельницу в очень, по тем временам, состоятельной семье. Таким манером организовал мне пару-тройку стойких комплексов... Это касалось и мамы: никаких рюшечек-кружавчиков, никаких украшений. «Ты - хирург! Белая блузка, черная юбка, хорошие туфли на каблуках!» Вот так, так и только так.

Труднодобываемые продукты контролю не подлежали, тем более, это бабушкина «епархия», а её после многолетней нищеты контролировать было не надо. Аскетика для меня норма по сей день.

Но - чего не бывает! - однажды мне, студентке, папа выдал походку 400 рублей: «Вдруг чего-то захочется?». Через полгода вернула ему триста пятьдесят. Папа хмыкнул, ни о чём не спросил, вернул полсотни, остальные сгрёб в ящик письменного стола. После этого мне безмолвно выдавалась любая сумма по любому поводу.

Скорее всего именно по этой причине - привычному аскетизму, мне и удалось сохранить в безумии начала 21-го века всю собственность, хоть и отобрали деньги, оставленные нам папой. Теперь, когда мама тяжело больна, да и я не очень здорова, нам есть на что жить...

***

Поставив крест на поэзии, папа организовал в Тогура театральные кружок. Ведущий артист, режиссёр - всё он же. Сохранилось несколько фотографий. О, мой папа! Ты был прекрасен! При полном отсутствии слуха - гитара в руках, шляпа с широкими полями, причёска голливудской кинозвезды - американские фильмы тому причиной. Уже ввозная... В сорок третьем запахло мобилизацией, и бабушка, пораскинув мозгами, отправила сына в НИВИТ - Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Поступил. Казарма. НКВД... Сбежал, как только кончилась война. Ему - хватило... Добрался до Томска, где моя мама, в которую он был влюблён с восьмого класса, учился в медицинском. Еле-еле мама его, измождённого, откормила. Прятала в общестии - удавалось. Бабушка помогла вернуть документы.

Поступил в педагогический институт на исторический факультет. Писал лихо и «как надо», предлогил томской газете «Красное знамя». Взяли на ура, потребовали ещё. Папа перевёлся на заочный и начал работать в редакции. Женился. Родили меня.

Быстро отец стал в «Красном знамени» заведомо промышленностью необъятной Томской области. В крохотной коммуналке по ночам писал первую прозу. Спал не больше трёх-четырёх часов. В один прекрасный день прибыла в Томск группа московских писателей в поисках талантов. Нашли папу. И вот повесть «Капитан «Смелого» опубликована в «Новом мире». Папа стал писателем вполне официально - членом Союза писателей.

Папа всё писал много и, похоже, хорошо. Как именно, я поняла позже, когда начала его читать осознанно, лет в тринадцать. Издавался в столице так же много, как и писал. Из Читы бесконечно летал в Москву и по издательским делам, и на всякие там съезды писателей. Получал большие гонорары. И тут же - поить всех, кто подвернётся. Не отказывал и себе... Мама многожды летала его выручать, за шиворот брала, привозила домой с остатками - немалыми - денег.

Его повести начали переводить за границей - в Чехословакии, ГДР, Польше...

Однажды вернулся из столицы спецкорреспондентом «Советской России». Вскоре редакция потребовала переехать в среднюю полосу России - на ту же должность спецкора. Из предложенных ему городов они с мамой, поехав, выбрали Брянск. Квартиру дали в обкомовском доме огромную, четырёхкомнатную. Мне почти тринадцать лет.

Полный текст воспоминаний будет опубликован в 3-м номере журнала «Начало века».